

© 1997 г., ЭО, № 5

С.В. Чешко. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. 310 с.

Монография С.В. Чешко «Распад Советского Союза» – успешное продолжение его работы «Идеология распада» (М., 1993). Но если в «Идеологии распада» автор рассматривает идеологическую подоплеку исчезновения СССР с политической карты мира, то в рецензируемой книге он намного расширил диапазон своего исследования, глубоко анализируя все стороны геополитической катастрофы, каковой стал распад СССР. Автор справедливо указывает, что его труд не может претендовать на роль исторического исследования по причине незавершенности рассматриваемого им события. Однако несмотря на это, перед читателем открывается широкая историческая и этнополитическая панорама событий, в рамках которых зарождалось, развивалось и, наконец, свершилось то, что казалось просто невероятным. Как справедливо подметил автор, «Советский Союз представлялся слишком монументальным, чтобы можно было предполагать его распад» (с. 3).

С самого начала С.В. Чешко заявляет, что главной целью при написании монографии была попытка «критически исследовать уже устоявшиеся, идеологизированные по большей части взгляды на это событие» (с. 4). При этом автор отчетливо осознает возможность обвинения в необъективности и пристрастности, поскольку он пишет о собственной стране. Однако справедливости ради следует сказать, что упрекнуть автора в грехе необъективности можно лишь в минимальной степени, то есть настолько, насколько субъективность неизбежно присутствует в любом творчестве. Максимальной объективности авторского подхода в немалой степени способствовал тот факт, что книга С.В. Чешко основана на широком историко-культурном и публицистическом материале; достаточно сказать, что список источников и литературы, использованных в монографии, насчитывает около пятисот названий. С.В. Чешко специально затрагивает проблему объективности, отмечая, что она «существует в любой сфере научной деятельности, где велика роль интерпретации фактов», но «наука в целом едва ли способна выработать объективные критерии в научной деятельности» (с. 5). При этом автор хорошо понимает, что подобный вывод несколько «не может служить "отпущением грехов" или индульгенцией на псевдонаучное творчество, не избавляет от необходимости соблюдать основные правила, принятые в науке, – оперировать фактами, анализировать их, делать выводы и аргументировать свою позицию на основе фактов и законов логического мышления» (с. 5).

Монография С.В. Чешко вполне соответствует этим стандартам, в чем читатель может убедиться, прочитав ее внимательно от первого до последнего слова, невзирая на признания автора в том, что он «вовсе не свободен от мировоззренческих и политических установок, вкусов, стереотипов» (с. 5). Последнее лишь указывает на тот факт, что данная работа, кроме научной ценности, обладает и гражданским звучанием, что усиливает ее значение в плане воздействия на общественное мнение, влияющее со своей стороны на дальнейшую судьбу того геополитического пространства, которое еще недавно являло собой реальный союз народов, сплотившихся вокруг Великой Руси. Именно ослабление этой сплоченности, спровоцированное многими внутренними и внешними факторами (автор их называет субъективными и объективными), встало в ряд основных причин распада Советского Союза. То, как это мировое событие интерпретируют в меру своей социально-политической заангажированности многие отечественные и зарубежные авторы, в рецензируемой книге подробно анализируется.

Вся содержательная ткань книги С.В. Чешко построена на хорошо отлаженной с точки зрения логики системе доказательств, что делает каждую мысль предельно емкой и убедительной. Это особенно касается тех страниц, где автор полемизирует с неопитами современного антикоммунизма.

Глубокий анализ советского общества накануне перестройки во всех сферах его бытия автор заканчивает точным диагнозом: «Рассмотрение советского общества с точки зрения предложенного (т.е. авторского. – И.З.) подхода обнаруживает, что мы не можем с уверенностью судить о степени его кризиса и твердо утверждать, что оно было обречено, находилось на краю пропасти» (с. 63). Более того, считает С.В. Чешко, не существует никаких неопровержимых доказательств потенциального краха этого общества. «А если нет доказательств, – пишет автор, – то нет и конечного результата... Версия об объективной предопределенности развала общества и распада государства, о том, что это уже фактически происходило подспудно, не может быть принятой в качестве некоей очевидности и исходной точки в исследовании политических процессов периода перестройки» (с. 63). К этому следует добавить, что современная история представляет нам на примере Китая иную альтернативу выхода из кризиса страны, строившей в прошлом

«коммунистический рай». Китайская модель модернизации тоталитарного общества обнаруживает возможность его изменения без разрушения прежних основ. Да и опыт других стран «социалистического содружества» никак не сравним с тем, что произошло в Советском Союзе в результате горбачевской перестройки, которая, в сущности, обернулась не столько крахом самой системы, сколько крахом одного из ее звеньев – партийно-государственной номенклатуры, так и не ставшей истинной общенациональной элитой советского общества.

В этом контексте хорошо просматривается та роль, которую в структуре советского общества играли этнонациональные отношения. Не случайно автор посвятил этой проблеме всю вторую часть книги. Для этнолога это естественно, тем более, что в постсоветское время все чаще звучит тезис о доминирующем значении национального вопроса в распаде Советского Союза. В этой связи С.В. Чешко совершенно правильно констатирует, что настоящего и всеобъемлющего исследования национального вопроса в России, включая и Советский Союз, до сих пор не состоялось (с. 71). Крайние точки зрения от известной ленинской «тюрьмы народов» до малоизвестной тереховской, признающей Россию «империей, но не угнетающей, а покровительствовавшей ее народам» (с. 69), – лишнее подтверждение тому. И то, что С.В. Чешко не признает этих крайностей, а ищет иной путь в познании национальных проблем страны, где они действительно на протяжении нескольких веков занимают одно из центральных мест, обнаруживает стремление автора к максимальной объективности. В этом контексте вполне уместен исторический экскурс автора, вставивший в себя рассмотрение различных идеологических основ в процессе государственного строительства России, начиная с формулы «Третьего Рима» и кончая советской идеологией «новой исторической общности». Здесь лишь стоит указать на некоторую неточность или оговорку автора: концепция «Третьего Рима» родилась не в московской Р о с с и и, а в одноименной Р у с и, ставшей одним, но, как известно, не единственным центром сложения Российской империи, в которой, действительно, не существовало русификационной доминанты в национальном вопросе, как, впрочем, и русского патернализма в отношении инородцев. Реальность была сложнее этих альтернатив, и С.В. Чешко на этом делает особый акцент, замечая, что в российской национальной политике «не было систематической и тотальной политики ассимиляции – русификации нерусских народов» (с. 78), на чем настаивают теперешние последователи формулы «тюрьмы народов». Цель такого взгляда на якобы неизбежное качество российской национальной политики очевидна – обосновать историческую неизбежность развала наследника Российской империи – Советского Союза. Опираясь на исторические факты, С.В. Чешко доказывает, что это вовсе не так, делая, по нашему убеждению, предельно точный вывод: «Утверждения о том, что Российская Империя в начале XX в. была на грани распада по причине этнических противоречий, выглядят абсолютно бездоказательными. Предназначенные для "исторического" обоснования идеи закономерности распада СССР, они в действительности оказываются не чем иным, как ретроспективной экстраполяцией этой идеи на предреволюционную Россию» (с. 80).

Главная идея автора в отношении этнонациональной парадигмы в послереволюционной России сводится к тому, что ни Временное правительство вкупе с Советами до Октября 1917 г., ни большевики после прихода к власти не имели четкой концепции национального развития страны. Все декларации в этом направлении, особенно советской власти, сводились к получению политической выгоды. Отсюда и противоречие, обозначившееся в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» – одном из первых государственных документов большевиков. Провозглашенный советской властью федерализм не имел единообразной основы и сводился, как правильно замечает С.В. Чешко, к этническому автономизму, оставляя за его пределами «ненациональные» территории (с. 87). Подобная картина наблюдалась и до образования СССР, и после его создания в 1922 г., что дало основание многим исследователям квалифицировать Советский Союз как не федеративное, а как унитарное государственное образование.

Сложность государственного устройства СССР не позволяет, по нашему мнению, сделать однозначный вывод по этому поводу, как, впрочем, это не легко сделать и в отношении тех государств, которые в международной практике уже имеют тот или иной статус. Определенно можно лишь сказать, и С.В. Чешко это демонстрирует в своей книге, что «государственное устройство в СССР складывалось довольно спонтанно, под воздействием тогдашних политических условий. Они отражали и отсутствие в то время четкого понимания федерализма... Тем не менее на уровне отношений между союзным центром и союзными республиками оно (устройство страны. – И.З.) в целом соответствовало принципам федерализма» (с. 96).

Преднамеренная идеологическая надуманность понятия «советский унитаризм» становится еще очевиднее на фоне такого истинно научного подхода к этой проблеме, который мы находим в рецензируемой книге. Однако мы не согласны с автором, когда он характеризует критикуемые им взгляды как ошибочные и присущие только малограмотным обществоведам, публицистам, политикам. Наличие таковых нисколько не исключает специальной идеологической акции (и использования в ней последних), направленной на «разоблачение» любых (точнее всех) сторон жизни советского общества, и унитаризм здесь не исключение. Хорошо известно, что он является всего лишь одной из исторически сложившихся характеристик государственно-политического устройства государств, в том числе и тех, в демократичности которых никто не сомневается, и обоснование этой аксиомы, предпринимаемое в книге, выглядит

малооправданным занятием, ибо те, кому это «доказательство» автора предназначено, вовсе не ставят своей целью нахождение истины. Даже обидно, что автор напрасно расточает силы для обоснования вещей совершенно очевидных. Ясно, что тезис об этническом геноциде в СССР не выдерживает никакой критики: за семьдесят с лишним лет не исчезла ни одна сколько-нибудь малая этническая группа, не говоря уже о больших этносах. Напротив, многие из российских народов, никогда и не помышлявшие о своей государственности, получили таковую из рук советской власти.

Некоторая академичность просматривается и в определенном затушевывании автором факта антирусской политики раннего большевизма, которую автор называет лишь «антирусской риторикой», происходящей, с одной стороны, от гиперинтернационализма большевиков и их ненависти к прежнему режиму, а с другой стороны, от потребности «обеспечить лояльность нерусских украин, точнее – их элит, которые взросли в значительной степени именно на национализме» (с. 110). Разве укладывается в понятие «риторика» гражданская война, легшая в основном на плечи русских и унесшая несколько миллионов жизней? Для автора теории «перманентной революции» Л.Д. Троцкого русский народ более других был той «охапкой хвороста», с помощью которой он намеревался разжечь пожар мировой революции; и это были далеко не пустые слова. Впрочем и повергший его «вождь всех времен и народов» И.В. Сталин был далек от риторики, проводя коллективизацию; в ее горниле наиболее страдающим «материалом» стало также русское крестьянство. Что касается тезиса С.В. Чешко об антирусской направленности большевиков в национальном вопросе на заре советской власти, имевшей место якобы ради обеспечения лояльности со стороны национальных элит, то здесь автор прав лишь наполовину. Русофобия «ленинской гвардии» во многом имела под собой чисто идеологические причины; русскость осознавалась ее представителями как основа прежней имперской государственности, которая выражалась в известной триаде: самодержавие – православие – народность. В этом же контексте, видимо, необходимо понимать и высказывание В.И. Ленина об «обрусевших инородцах», более русских, чем сами «русские»; скорее всего, вождь мирового пролетариата имел в виду не этнические качества подобных «русских», а их zaangażированность со стороны свергнутой царской власти. Местным населением русскость по инерции, сохранившейся с имперских времен, осознавалась не столько с этнической, сколько с политической точки зрения, т.е. русские ассоциировались с представителями центральной власти. Последнюю же в течение всей советской истории трудно назвать этнически преимущественно русской. Скорее – напротив, и эту мысль можно найти в монографии С.В. Чешко, акцентирующей наше внимание на том, что «в разное время к высшей политической элите страны принадлежали нерусские Свердлов, Сталин, Дзержинский, Каменев, Зиновьев, Троцкий, Берия, Каганович, Орджоникидзе, Енукидзе, Микоян, Хрущев, Шелест, Мжаванадзе, Георгадзе, Алиев, Щербицкий, Рашидов, Кунаев и многие другие» (с. 116).

С этой и других точек зрения проблема русификации, которой С.В. Чешко посвятил десяток страниц своей книги, выглядит действительно весьма важной, особенно если иметь в виду ее многоаспектность, что дает возможность спекулировать на ней разного рода политическим конъюнктурам. Эту особенность данной проблемы отмечает и автор рецензируемой книги, совершенно справедливо отмечая, что в условиях «существовавшей в СССР иерархической структуры национально-территориальных образований и соответствующих ей уровней культурного воздействия, как спонтанного, так и организованного... межкультурные взаимодействия, включая процесс аккультурации, имели многовариантный характер» (с. 117). Однако никак нельзя признать правомерным тезис автора о том, что «типичная культура русского народа уже несколько десятилетий представляет собой по большей части риферийный вариант обобщающего стандарта европейской индустриальной культуры» (с. 117). Во-первых, совершенно туманным представляется авторское понятие «обобщенный стандарт европейской индустриальной культуры». Во-вторых, неясно, почему автор отказывается в типичности русской культуре последних нескольких десятилетий. Неужели в ней нисколько не осталось элементов этничности? По-моему, несмотря на определенную многовариантность русской этнической культуры, она тем не менее не потеряла своих типических качеств, продолжая быть, ко всему прочему, доминирующей для всех остальных этнических культур бывшего СССР. В этом собственно и состояла сущность процесса русификации в СССР, который во многом протекал по инерции, полученной от Российской империи. Конечно, этот процесс не был гладким и бесконфликтным, что достаточно убедительно показывает С.В. Чешко, делая в основном упор на роль русского языка в нем. Анализ многих сторон во взаимодействии русского языка с другими языками народов СССР позволил автору сделать вывод, во многом совпадающий с нашим мнением о роли доминирующей культуры в полиэтничном обществе: «Культурная политика советского государства, таким образом, отнюдь не была уникальной по своим фундаментальным установкам. И она не была направлена на русификацию или всеобщую декультурацию народов СССР» (с. 119).

Как известно, факт – вещь упрямая, и С.В. Чешко использует в своей монографии это его свойство достаточно точно и умело. Взять хотя бы постановку им таких проблем, как ассимиляция, национализм и националстроительство, а также проблему, связанную с понятием «советский народ». Все теоретические рассуждения лидеров советского государства по поводу этих проблем автор проверяет самой исторической практикой, которая, по его мнению, часто опровергает доктринерство, кому бы оно ни принадлежало –

Марксу, Ленину, Сталину и другим, кто так или иначе высказывался по национальному вопросу. В этой связи нельзя не признать достаточно точной и логически завершенной характеристику понятия «советский народ». Анализируя различные мнения, имевшие место в обществоведческой литературе, автор формулирует ее следующим образом: «Итак, официальная концепция советского народа была чрезмерно идеологизированной, помпезной, наивно-претенциозной, как и многие другие "концепции" той эпохи. Однако она не была полностью неверной, поскольку существовал сам советский народ как народ –общество, продукт длительного развития единого государства... С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм следует признать не только реальное существование в СССР "советского народа", но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации» (с. 141). При этом автор вовсе не исключает наличие в СССР так называемого «социалистического федерализма», основанного на этнонациональном принципе и являвшегося «способом огосударствления этносов» (с. 152). Трудно, однако, согласиться с мнением С.В. Чешко, что «в действительности "социалистический федерализм" вовсе не означал реализации права на самоопределение», которое автор видит в самоопределении «масс на основе выявления их, так сказать, усредненной воли» (с. 152–153). В данном случае автор изменил своему принципу проверять все на практике: наличие в СССР федерализма, основанного на национально-территориальной парадигме, во многом предопределило судьбу последнего. Кстати сказать, и «усредненная воля» жителей Украинской ССР была применена на практике; она-то окончательно и взорвала многовековую государственную твердь. Вместе с тем, как показала «перестроечная» практика, нельзя преувеличивать и значение самого народного волеизъявления. Часто оно оказывается результатом многих трудно фиксируемых социально-экономических и политических интересов различных слоев общества, в том числе и этнических элит, часто «подавляющих своей волей народ» (с. 153).

Что касается «самоопределения» как одной из социальных категорий, то автор монографии не склонен ее абсолютизировать, отмечая, что «в современной науке, международном и национальном праве концептуализация и формализация самой категории самоопределения вызывает серьезные трудности» (с. 153). Действительно, ведь самоопределяться можно на основании многих принципов, из которых этнический является, пожалуй, самым распространенным. В Советском Союзе его развитие приняло формы так называемого нацистроительства, на проблемах которого С.В. Чешко останавливается довольно подробно. Однако не со всеми высказываниями автора на этот счет можно согласиться. Так, автор переоценивает роль пресловутого «пятого пункта» в деле воспитания у советских граждан чувства, «что они не просто люди, а еще и представители "наций и народностей", обладающих определенными и различными статусами» (с. 160). Во-первых, если автор имеет в виду официальные статусы советских республик (союзных, автономных), то самый многочисленный и государствообразующий народ – русские не обладал в этом отношении никаким статусом. Во-вторых, 99% населения Советского Союза не понимали различий в этих статусах, поэтому грузин, живущий в советской социалистической республике, вряд ли чувствовал свое «статусное превосходство» над чукчами, населявшими автономный округ РСФСР. В-третьих, и это самое главное, потому что это исторический факт, Великая Отечественная война и послевоенное время показали, что этнонациональные различия во взаимоотношениях между советскими людьми не имели сколько-нибудь осязаемого значения. Этнонационализм на практике обнаружил себя лишь в последние двадцать-двадцать пять лет.

Самым ударным местом книги стала ее последняя часть, ставшая по сути дела анализом процесса перестройки советского общества, предпринятой новым поколением советской партноменклатуры во главе с Горбачевым. С.В. Чешко проводит этот анализ, насколько позволяет имеющаяся у исследователя информация, с присущими ему глубиной и блеском, акцентируя внимание на природе этого явления. Он совершенно точно интерпретирует горбачевизм как бездоктринальную «политику реагирования», которая при многих внешних сходствах с ленинской гибкостью была лишь ее пародией (с. 170). Это действительно так, ибо тактический гений Ленина находил пути в почти безвыходных ситуациях, а политическая близорукость Горбачева при постоянном лавировании между консерватизмом и либерализмом, напротив, еще более усиливала кризис советского общества, придавая ему системный характер. К тому же, если первый видел будущее человечества в преодолении порочного круга потребительского общества, стратегическая обреченность которого и теперь становится все более очевидной, то второй провозгласил его ценности как «общечеловеческие», возбудив таким образом во многих людях инстинкт наживы любым путем. В этом смысле горбачевская перестройка стала провокатором теперешней криминализации общества. Приходится лишь сожалеть о том, что, по справедливому замечанию С.В. Чешко, «горбачевизм был не только пропагандой, но и реализовывавшейся в практических реформах политической тенденцией» (с. 176), всегда существовавшей, в советскую эпоху в форме оппортунизма, который не случайно оценивался Лениным и Сталиным как страшный враг социализма. И не таким уж абсурдным кажется в этом контексте лозунг Сталина об усилении классовой борьбы по мере развития социализма, точнее, того режима, который так назывался.

Проблема оппозиции в перестроечный период является, пожалуй, самой запутанной, ибо, начиная с определенного периода, Горбачев оказался между «Сциллой и Харибдой», куда сам загнал себя благодаря

противоречивости и непоследовательности своих общественно-политических пристрастий. Весь этот драматический процесс С.В. Чешко рассматривает с присущей ему объективностью, точно выделяя в нем появление и консолидацию так называемых радикальных демократов. Сочетание радикализма и демократии, по мнению автора, «выглядит полной бессмыслицей». «Радикальный демократизм», – пишет он, – может быть на деле либо нерадикальным, либо недемократизмом» (с. 183). Но это вполне обоснованное заявление относится скорее к проблеме дифиниции; на деле же возникла определенная сила, которая не без помощи извне смогла переломить горбачевское неустойчивое равновесие в свою сторону, дорвавшись до всего, что «плохо лежит», да и что хорошо – тоже. И не совершала эта сила никакого подобия революции, о чем пишет С.В. Чешко, завершая раздел книги, посвященный «демократической» оппозиции. В системе исторических координат, где октябрьские события 1917 г. считаются социальной революцией, приход к власти так называемых демократов следует квалифицировать как контрреволюцию. Нынешний парадокс состоит в том, что совершена она выродившейся советской номенклатурой, еще недавно кормившей народ сказками о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Кстати, именно коммунизм в процессе перестройки все более и более становился объектом критики и разоблачений, и главными инструментами для этого стали упомянутые выше либерализм и национализм.

Националистической альтернативе в конце перестроечного периода автор посвящает целую главу своего исследования, акцентируя внимание на том, «что национализм, будучи лояльным или покорным советскому режиму, заявил о себе в открытых и активных формах именно в период "перестройки"» (с. 193). Особое место в этой связи автор отводит самому экстремальному национализму – прибалтийскому, оказавшемуся на передний линии борьбы с советской государственностью. Прибалтийская модель, по его мнению, «послужила образцом для националистов и независимцев в других республиках СССР» (с. 210). К этой мысли автора нелишне было бы добавить, что прибалтийский национализм и другие советские национализмы произрастали и развивались при явном попустительстве союзного центра и благодаря поддержке российского антипатриотизма, давно культивируемого в среде определенной части советской партийно-государственной номенклатуры.

Заключительная глава монографии С.В. Чешко содержит анализ периода непосредственного распада Советского Союза, но предваряется она освещением проблемы концептуализации «национального вопроса» в годы «перестройки». Однако термин «концептуализация» в данном случае не совсем отвечает степени тех усилий, которые были направлены на изучение национального вопроса в период перестройки. Сам автор подтверждает это: «Такая обстановка в совокупности с отсутствием навыков в исследовании национализма, а также с витавшим в обществе духом революционности способствовала появлению скороспелых конъюнктурных теорий, максималистских взглядов или просто хаосу в сознании обществоведов» (с. 248). После таких слов остается только воскликнуть: «Где же здесь концептуализация национального вопроса?!» Была лишь попытка объяснить его значение в момент нарастающего кризиса советского государства. Однако теперь становится совершенно ясно, что закончилась она полным провалом, так как не смогла дать точный диагноз этнонациональной болезни, приведшей к появлению гибрида, полученного от скрещивания нерусских национализмов и российского интернационал-либерализма. Гибрид этот, хорошо сдобренный антикоммунизмом, стал той убойной силой, названия которой еще не придумано, но с помощью которой была взорвана твердь многовекового государства. Надо признать, что это было достигнуто в результате горбачевской перестройки, которая и стала основным «агентом влияния» в достижении Западом своих целей в отношении СССР. Что касается персоналий, то их избличение дело весьма неблагоприятное и бесполезное, ибо те, на ком «шапка горит», без тени смущения заявляют, что все произошедшее с «советской империей» – результат ее обреченности – и если они и вложили в распад Советского Союза свою посильную лепту, то этим можно только гордиться. Правда, этого пока не сказал сам творец перестройки, воплотивший в себе наилучшие черты партноменклатуры, которая никогда не испытывала недостатка власти, но всегда рассчитывала на безнаказанность своих экспериментов над людьми. И это вовсе не легкомыслие, с которым, как считает С.В. Чешко, «Горбачев взялся переделывать общество, заранее зарезервировав для "нас", то есть правителей-реформаторов, "право на ошибку", как он заявил в одном из своих ранних выступлений» (с. 169). Действия столпов перестройки вкуче с процитированным признанием главного из них можно и должно квалифицировать как политическое преступление, совершенное против полиэтнической советской нации, расколотой на множество частей, не имеющих сколько-нибудь ясных путей дальнейшего развития.

Заинтересованные в этом определенные круги внутреннего и внешнего происхождения окрестили этот процесс демократизацией, без которой де реформирование советского общества было просто невозможно. Все, о чем С.В. Чешко пишет в разделе «От перестройки к распаду», является результатом советской демократизации, в которой были нарушены элементарные правила взаимоотношения центра и периферии. Тем самым был нанесен смертельный удар по российской (в образе советской) государственности, где каждая социально-политическая сила взяла на себя определенную роль. Так, роль «демократов» автор рецензируемой книги видит в том, что они «через средства массовой информации, постепенно переходившие

под их контроль, развернули массированную кампанию по дискредитации советской истории, советского государства, всех социальных, нравственных и духовных ценностей, которые они считали советскими, хотя в действительности многие из них не имели этой идеологической окраски и советского происхождения» (с. 257). Трудно не согласиться с этими словами. Однако надо признать, все это стало возможно потому, что в советском обществе было слабо развито главное качество любого организма, в том числе и социального, – инстинкт самосохранения. Наличие подобного инстинкта не позволило бы массам поддаваться на сладкозвучные речи всевозможных лжепророков, а последним, в большинстве своем в лице власть предрежащих, кинуться в авантюру под многообещающим названием «перестройка». Общество, исключая насилие над собой с любой стороны, и есть такое общество, которое получило на Западе характеристику гражданского. То, что Советский Союз не был таковым, еще раз подтверждает последний аккорд его существования, а именно – так называемый новоогаревский процесс, приведший к беловежскому соглашению о роспуске и распаде тысячелетней державы. Этому драматическому моменту истории посвящен последний раздел монографии. В центре описываемых событий, конечно же, оказался «отец перестройки», закончивший свой исторический эксперимент всеобъемлющим крахом, но до сих пор так и не признавший своей прямой или косвенной вины в развале СССР. Более того, он ее решительно отрицал, утверждая, что стратегия его политики была верной, и с удовлетворением отмечал, что главное дело своей жизни (перестройку) он совершил (с. 270).

Ну что ж, как говорится, «из песни слова не выкинешь». Вот только как эти слова следует воспринимать на фоне того, чем в реальности ознаменовалось «дело всей жизни» автора приведенных выше слов? Итак, единого государства, об уничтожении которого мечтали иноземные владыки многих поколений, не говоря уже о послевоенной когорте западных политиков, ныне не существует. Его осколки сдались на волю победителя в «холодной войне». Государствообразующие славянские этносы – русские, белорусы и украинцы – выясняют между собой отношения, а их представители, оказавшиеся по воле судьбы за пределами России, Белоруссии и Украины (более тридцати миллионов человек), стали так называемыми «национальными меньшинствами», что приравнивает их по сравнению с коренными нациями к гражданам второго сорта. Все население бывшего Советского Союза расколото на узкий слой сверхбогатых и широкие массы бедных, очень бедных и просто нищих людей, отчего социальное положение на постсоветском пространстве может быть оценено как взрывоопасное. За несколько лет после распада СССР в этнонациональных конфликтах погибло несколько сот тысяч человек.

Этот список трагических последствий, произошедших и происходящих до сих пор в результате «перестройки», можно продолжать, и все равно он будет неполным, ибо невозможно учесть степень того психологического шока, в котором теперь находятся миллионы людей, потерявших уважение к прошлому, веру в настоящее и надежду на будущее. Именно такие ассоциации возникают при прочтении книги С.В. Чешко «Распад Советского Союза», значение которой в исследовании этого процесса по горячим следам трудно переоценить, как и трудно не согласиться со словами автора о том, что «отмена» СССР в декабре 1991 г. явилась не столько выражением каких-то объективных процессов, сколько актом политического насилия над страной со стороны «альянса радикалов и националистов» (с. 282). К этому хочется добавить, что этот акт имеет, к сожалению, продолжение и сегодня, ибо силы, его возбудившие и осуществившие, находятся у власти во всех осколках бывшего СССР, наскоро «скрепленных» в виде Содружества Независимых Государств (СНГ), оказавшегося на практике политической фикцией и способного только на выяснение отношений в форме разделов и переделов бывшей общесознательной собственности да стремление подалее уйти от ядра бывшего СССР – Российской Федерации, возрождающей якобы имперские амбиции. Но это уже следующая страница истории, получившая название постсоветской, исследование которой ждет своих «героев», в числе которых пожелаем быть и автору рецензируемой книги.

И.Ю. Заринов

© 1997 г., ЭО, № 5

С.В. Чешко. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. 310 с.

Идеи, события, политические итоги явлений, которые описаны в данной монографии, остаются остро злободневными, хотя минуло уже целое пятилетие «новой жизни» на территории той страны, ныне не существующей, жителями которой были большинство читателей этой книги и ее автор. Предвосхищая дальнейшие наблюдения, замечу, что важнейшим печальным этнополитическим, политологическим выводом этой очень серьезной и смелой по замыслу и его воплощению работы оказалось то, что мы были именно «жителями», «обитателями», «обывателями» Страны, а не ее гражданами. Несколько политических, центральных и религиозных элит возобладали над страной и, умело используя трагедии, недостатки, ошибки

в ее политическом прошлом (будучи и сами в них повинны!), последовательно демонстрировали вначале систему дружественных международных отношений СССР на нашем континенте, а затем сам Союз – «империю зла», «тюрьму народов», «регион, где грубо попираются права человека». Всей этой лозунговой демагогической фразеологией, употреблявшейся в противоборстве двух государственно-политических лагерей («двух сверхдержав»), оказалось достаточно (согласен с автором, когда он не принимает гипотезу-концепцию об осуществлении «антикоммунистического заговора, направляемого западными спецслужбами» с. 13, 14), чтобы при попустительстве раздраженных, растерянных, дезориентированных масс, лишаящихся надежд на будущее и средств к существованию, провозгласить политически и юридически действенные формы и расплывчатые нормы будущего государственного устройства на территории бывшего СССР. Эйфория «свободы», публичные телевизионные и пленэрные игры почти случайных «народных избранников», иллюзии стартового равенства индивидуумов по пути к будущему капиталистическому преуспеванию; полный правовой, моральный, психологический хаос: противоречия интересов и устремлений различных социальных, профессиональных, этнических групп и слоев окончательно затуманили для населения перспективы будущего, а главное – вопрос о судьбах огромной собственности, которую создали своим трудом и отстояли в войнах поколения советских людей. Последовавшие за распадом, развалом СССР события убеждают, что конечной целью этой геополитической акции был именно раздел общенародной собственности удачливыми представителями геополитической элит. Этот процесс все еще бурно продолжается, подкрепляя убежденность автора (основанную, несомненно, на «постсоветском» опыте), воспринявшего «распад СССР как трагедию и результат нечистых политических (следует добавить: идейных, правовых, экономических. – П.К.) игр» (с. 280). Однако и в пределах периода, непосредственно рассмотренного в тексте монографии С.В. Чешко (1922–1991 гг.), вопросы собственности приобретали все большее значение. Этим обусловлены дискуссионные (по мнению автора – с. 49) соображения Ю.И. Семенова о «политаризме». Для того чтобы развить их в концепцию, необходима ревизия понятийного аппарата «советского марксизма» и особенно исторического материализма. Пока же, возможно, обостряя неразбериху дискуссии, я вынужден усомниться в существовании «политаристского класса», ибо **собственником** в конструируемой структуре выступает **должность**.

Некоторые попытки частично институционализировать частную собственность, косвенно узаконить ее через введение трех форм собственности, предпринятые в Конституции 1977 г., возможно, являются результатом «бунта» центрального управленческого аппарата и регионально-республиканских властей, в который вылилась «перестройка».

Я не стремился дать обстоятельный разбор данной очень актуальной, принципиальной и взвешенной монографии С.В. Чешко. Для меня было более важным передать впечатление, производимое ею в докзательном и эмоциональном планах на подготовленного к ее чтению специалиста, поэтому я сознательно избегал литературных и историографических ссылок, тем более что новизна подхода хорошо различима и без конвоя справочного аппарата.

Монография С.В. Чешко четко делится на два основных раздела. Первый – фоновый (с. 20–67, 165–192, 251–279), характеризует основные вехи распада Страны. Второй (с. 84–164, 193–251) полностью посвящен проблемам национальных отношений и изменениям их роли в разные периоды жизни Страны. Краткий историографический обзор и значительная библиография помогают читателю усвоить существо проблематики, структура работы хорошо согласуется с намеченными в ней уровнями исследования. Первый, базовый, уровень охватывает непривычную для наших гуманитарных научных отраслей сферу установок и постулатов. Определив узкую задачу работы: «Рассмотреть главные причины и механизмы распада СССР как мультиэтнической социально-политической системы» (с. 6), – С.В. Чешко показывает, что конструктивное решение этой задачи требует «комплексного советологического исследования». Этот правомерный логический вывод требует поиска и применения новой **методологии**, замещающей прежде всеобъемлющую марксистскую философию. Это сказывается в новой терминологии, в анализе социальных и этнических процессов и их качественных оценках (пример: трактовка «кризиса» советского общества – с. 38–63). Резко политизированный, эмоциональный, идеологический характер подходов к рассматриваемой проблематике вынуждает автора искать возможно более строгие методические и оценочные критерии, учитывающие личность исследователя (объективность, объективизм, научность подхода, инструментальные и логико-познавательные возможности, субъективизм суждений в осознанных и неосознанных формах и т.д.), применяемый научный инструментарий, установки. Для наших гуманитарных трудов это новаторский подход. В этнологической практике он восходит к трудоемким, а потому не модным, разработкам Ф. Гребнера (автор ссылается на значительно более поздние подходы Ф. Барта – с. 4).

Видимо, вынужденное новаторство работы на теоретико-методологическом уровне, когда твердую основу для выводов приходилось искать лишь в стойкой последовательности рациональных рассуждений и фрагментарных фактических данных, к тому же часто подготовленных предшественниками весьма тенденциозно, привело автора к заключительному чрезмерно пессимистическому итогу: «Выводы, к которым я пришел, могут оцениваться как сугубо гипотетические, как, впрочем, и **любые обществоведческие концепции. Строгих доказательств и однозначных интерпретаций в области общественных наук, видимо, не**

может быть в принципе» (с. 280. Выделено мною. – П.К.). Действительно, падение марксизма как столпа и опоры обществоведения подорвало нашу веру во всеобщность «законов» общественных процессов и развития. Ныне мы готовы с большей решительностью, чем Г. Риккерт и его последователи, провести непреодолимую грань между общественными и естественными науками, принимая на веру, что лишь в последних существуют непреложные неизблемые правила взаимосвязей и изменений, которые, формируясь в неразрывный взаимообусловленный порядок, отражают естественные, объективные законы природы. Человек же своим пытливым умом, идеями, эгоцентристскими и коллективистскими устремлениями, эмоциями, жадной безотлагательно чудесных перемен к «лучшему» вносит хаос в мерное течение жизни, в созданные им же самим традиционные институты жизнеобеспечения и средства биологического и социального выживания, т.е. в конечном итоге в искусственную среду обитания, которую он старательно конструирует для себя и сам же периодически бездумно разрушает. Краткий срок жизни поколений, каждодневные заботы превращают социальную среду в поток непрерывно сменяющихся состояний. Даже мощнейший волевой политический импульс на фоне противоречивых сиюминутностей трансформируется и гаснет, теряясь в беспамятном прошлом. Действительно, вроде бы не найти закономерностей при таких условиях «эксперимента». Однако, как показывает опыт гуманитарных социальных наук (а иначе и само их существование лишается какой-либо реальной рациональной основы), конкретные историко-культурные, социально-политические ситуации могут быть формализованы с высокой степенью достоверности, но не на событийном, а на процессуальном уровне: это позволяет строить правомерные футурологические прогнозы и/или эсхатологию современного Мира. Думаю, гуманитарный агностицизм автора – лишь временное, преодолимое убеждение.

Второй уровень исследования С.В. Чешко охватывает методико-теоретические положения, связанные с трактовкой в «марксистско-ленинской науке» проблем нации, национальностей, национального вопроса, а также практику воплощения этих наработок в национальном строительстве СССР, этнонациональной интеграции, национально-административном размежевании, положении титульных наций, их отношений с нацменьшинствами, этническими автономными образованиями. Конечно, специалистам по регионально-ареальной национальной проблематике хотелось бы видеть в этих разделах больше материалов о «своих» народах, исторически-традиционных формах их жизни, религии, культуре, политике. Автора же сдерживала и организовывала основная направленность исследования, его жесткая связь с общесоюзными этнополитическими процессами. Объективно проведен анализ расхожих в политической прессе определений: «этноцид», «русификация», «национальное угнетение», «тюрьма народов» и т.д., корректно и сдержанно охарактеризованы процессы формирования и деятельности «этнонациональной советской интеллигенции».

Полагаю, что на практику национального сепаратизма в СССР влияли в послевоенные десятилетия идеи, концепции, события, связанные с экспансионистской и колониалистской политикой Запада, с расовыми, междоцивилизационными (в соответствии с концепциями региональных цивилизаций А. Тойнби), межэтническими противоречиями и конфликтами. После начала деколонизации и образования ООН волны расово-этнических движений неоднократно захлестывали все регионы мира. Угнетенные и прежде угнетавшиеся народы создавали свои теории «национального угнетения», новые принципы этнических отношений, «идеологии угнетенных народов». Поддерживая национально-освободительные движения, СССР сделал немалый вклад в их политико-идеологические теории, которые крайне эклектичны, часто ограничиваются уровнем простых призывов и лозунгов, что, правда, дает их идеологам и лидерам необычайную свободу идейно-политического маневрирования при проведении широкомасштабных акций. Включаясь в поддержку таких движений (и борьбу с ними), трудно избежать их влияния на собственную идеологию, которая к тому же с 60-х годов все больше склонялась к хаосу. Афганская война перенесла большинство идей, сложившихся вокруг противоречий темы угнетения и угнетателей, на территорию СССР. Эта война, став одним из зловещих символов фракционной борьбы в последнем Верховном Совете СССР, оказала мощное воздействие на обострение этносепаратизма в стране. Конечно, во всем комплексе проблем, касающихся национальных, патриотических, расовых и этнических движений и их теорий, трудно найти сейчас какие-либо устойчивые концептуальные положения. На этой проблематике особенно резко сказывается эмоциональный настрой, привносимый в общественно-политическую жизнь международной прессой, но акцентировать взаимосвязь этнических конфликтов Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки, Канады и событий внутри Союза – все же необходимо. Тем более, что поставленные в единый событийный ряд с явлениями советской этнополитической истории они могут стать основой для более обширных и углубленных обобщений.

Третий уровень данного исследования – событийный, связан с противоборством региональных политических элит «титульных наций» за гегемонию в Союзе и за право выхода из него. Разработка проблематики начата в предыдущей книге С.В. Чешко «Идеология распада» (М., 1993), но для углубленного ее изучения требуется увязка явлений внутренней жизни Союза с параллельными процессами, происходившими в странах социалистического лагеря Восточной Европы и других регионов. Даже беглая хроника событийных параллелей во всех указанных странах могла бы способствовать пониманию ритма распада Союза и характеристики центральных процессов 1990–1991 гг. Актуальность этих проблем за

последующие годы значительно возросла, если учитывать дальнейшее развитие и усиление центробежных процессов на территориях прежних составляющих Союза и далеко не полную завершенность его распада в некоторых экономических, финансовых и политических сферах.

Два момента принципиально важны при рассмотрении этого уровня исследования С.В. Чешко. Во-первых, общим для наших гуманитарных работ, посвященных прежде преимущественно поискам качественных закономерностей, социальных и экономических «объективных» законов, было стремление представлять коллективы, от малых этносов до наций-государств, некими, образно выражаясь, однородными жидкостями, которым безопасно взбалтывание, но смешивание их друг с другом может создать продукт от абсолютно нейтрального до исключительно взрывоопасного. Этим и вызвано стремление разделить этнические образования, автономизировать титульные нации. Такой подход, навязанный «марксистской теории наций» австро-венгерским опытом рубежа XIX–XX вв., этнологи, социологи, политологи, советологи принимали как данность. Администраторы-практики же еще со времен так называемого «освобождения крестьян», периода бессмысленных законодательных метаний столь почитаемой ныне предреволюционной Государственной Думы, эпохи «движения к демократии», под руководством нескольких «генераций вождей ленинского типа» (1956–1991) вывели для себя совершенно другие «законы», определив суть любых социальных преобразований. Главными в этих извращенных подходах и проектах, вне зависимости от степени их профессионализма или дилетантизма, оказываются исчисления того, что можно взять у «призываемого» народа, сословия, нации, чтобы в ходе и итогах преобразований не оказаться самим в столь же бедственном положении, как и тот народ, над которым производился реформаторский эксперимент. Абстрактная социально-политическая терминология, отвлеченные фикции, характеризующие и определяющие добро, зло, законность, справедливость, демократию, нейтрализуют у законодателей и особенно исполнителей, морально-этические сомнения и ответственность за совершаемое «по закону». Отсюда страстная нелюбовь нашей высшей администрации к науке и научному анализу реальных проблем. Это отмечали и покойный В.Б. Кобрин, и сам С.В. Чешко (с. 249). Наука была «запрограммирована» на то, чтобы «объяснять в должном свете» совершаемое и оправдывать его. Теперь же, когда С.В. Чешко и некоторые его коллеги успешно закладывают новые основания для теорий этноса, нации в этно- и политологии, возможности социальных, этнокультурных, исторических наук становятся совершенно иными. Однако это всего лишь научные идеи! Главное чтобы эти разработки, адаптированные до соответствующих уровней общественного сознания, могли быть реализованы действующими политиками.

Во-вторых, в Мире в целом, а в нашей стране и ее прежних «суверенизированных» частях особенно, резко меняется представление о государстве и его роли в обществе. Оно приближается к анархистским утопическим моделям во всем, что касается распорядительных, властных, регуляционных, законодательных функций, оставляя за государством лишь «обязанности» по сбору и «освоению» налоговых сумм. Практическое воплощение новых концепций государственной власти ознаменовалось очередным изменением значимости прав государства (властей всех форм) в отношении гражданина. Резкое ограничение этих прав за счет торжества концепции «прав человека» приводит к безмерному возрастанию значения неформальных связей, с влиянием которых за общественную и политическую жизнь государственная власть вела борьбу законодательным и административным путем со времен становления абсолютизма. Однако борьба эта велась с традиционными формальными группировками (семья, этническая группа, сословие и т.п.), уступки же осуществляются в пользу как пережиточно сохранившихся традиционных групп, так и имитирующих их новообразований (типа тех же советских «титульных наций или этносов»), часть порожденных политическими коллизиями (националистические, национально-освободительные партии и организации). Таким образом, между гражданином и высшей общенациональной демократической (по определению) властью вновь вырастает барьер из различного рода объединений и институтов, этнических, социально-сословных и классовых толков, чьи задачи, принципы и убеждения могут вступать в противоречие с основополагающими установками государства и тем более с интересами отдельных граждан и их многообразно конституированных групп. В условиях высоко технологизированных форм народного хозяйства промышленно развитых стран с его гигантским энергетическим и материально-техническим потенциалом зависимость организации производства от специфики этносоциальных отношений, от степени равноправия, высоты образовательного ценза, равной правовой ответственности, от степени унификации **общенациональной** духовной культуры резко повышается. Вряд ли в эпоху **торжествующего компьютера** необходимо доказывать, что техногенная цивилизация (и особенно ее постиндустриальная эра) жестко связана с **интернационализацией** всех форм и видов коммуникаций, причинно-логических принципов и операций, и, более широко, всего инструментария научного мышления и способов его применения. Казалось бы, такая ситуация должна препятствовать возвращению к этнической замкнутости и усилению этнических противоречий. Однако действительность, реальность более сложна и многообразна! Давно уже ушли в прошлое абсолютистские постулаты, определяющие позитивный характер любых социальных акций и установлений: у «общественной полезности» уже не стало никаких преимуществ перед «индивидуальной пользой», которую и демагогически и принципиально можно связать с интересами и потребностями,

имеющими приоритетный характер, определенных этнических, национальных, социальных групп и осуществить даже вопреки общенародным, общегосударственным интересам, пользуясь, в частности, кривотворческими уловками юриспруденции и легко организуемым ажиотажем прессы.

Так обстоит дело с разрушением СССР. Теперь можно подвести промежуточный итог этой акции, ибо сложившаяся ситуация всего лишь **промежуточный этап** распада, который теперь перебросился на Россию (достаточно напомнить о политической и этнической обстановке вокруг Чечни!). Наше «тоталитаристское» народное (национальное) хозяйство разрушено, переход от искусственной суперцентрализации к частнособственническим отношениям идет узкой дорогой сознательного разрушения всего созданного прежде. Страна давно перешла допустимые пределы хозяйственно-административных изменений, будто над ней пронесся смерч сокрушительного военного поражения, от которого страдает вся бесправная, безликая, бессловесная масса, представляющая собой типичный образ потерпевшего поражения народа. Территориально-этнический распад может беспрепятственно продолжаться, так как в народном, национальном сознании, благодаря длительному проживанию на бескрайних просторах в условиях стойкой и сложной хозяйственно-экономической интеграции, не сформировалось **осознанного представления** о прямой взаимосвязи между историческими возможностями этнического и этнокультурного выживания и размерами, а также экономическими и стратегическими условиями занимаемой определенной нацией территории (пожалуй, наиболее полное осознание этих соотношений и соответствий на массовом уровне оказалось доступно таким преуспевающим нациям, как англичане и японцы). Давно известно, что исторический опыт ничему не учит, но все же исторические примеры показывают, что разрешение любой затруднительной этнической, национальной, хозяйственно-экономической ситуации возможно лишь тогда, когда формируется единая общенародная концепция преодоления негативных тенденций (распада, упадка, вырождения и т.п.), которая воплощается в стратегии и тактике реальных акций. Пока в нашей стране даже не намечается тенденций к такому повороту событий!

Свое понимание концепции монографии С.В. Чешко я бы сформулировал так. Процессы, приведшие к распаду, были заложены в самые основания общественной и политической идеологии СССР как государства со стойкой однопартийной системой и региональным членением, основанным не на единичных общегражданских принципах, а на выделении в пределах административных регионов титульных этнонациональных образований, которые всемерно поощрялись к региональному доминированию. Ослабление централизованного управления, образование самостоятельных партийных, административных, этнонационалистических элит вылилось в активизацию противоречий между ними. Последние были выведены (при поддержке диссидентских движений и советологической литературы) на уровень националистических и либертистско-демократических лозунгов, распространившихся затем в массах, страдающих от экономического и политического своеволия тех же элит. При обсуждении недовольства масс в парламентах всех рангов выявились политико-юридические, административно-бюрократические просчеты, сделавшие закономерным обсуждение вопроса о правомочности самого существования СССР. Небольшие правовые ухищрения, формальная деидеологизация, несколько спровоцированных массовых локальных волнений – и страна была обречена на Развал.

Монография С.В. Чешко – очень значительное событие для наших социальных наук, в частности потому, что в ней этносоциальные перемены последовательно описаны в системе новых научных представлений.

П.М. Кожин

© 1997 г., ЭО, № 5

Е.А. О к л а д н и к о в а . Модель Вселенной в системе образов пещерного искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. С.-Петербург, 1995. 319 с.

Уже в название рецензируемой книги вынесено решение одной конкретной задачи – описание моделей Вселенной в культуре индейцев Северо-Западной Америки. Однако это поставило автора перед необходимостью впервые в этнографической науке описать общее культурное наследие и весь комплекс этнокультурных связей сибирских и североамериканских народов, используя при этом данные смежных гуманитарных наук – антропологии, археологии, этнографии и лингвистики, а также данные естественных наук, необходимые для периодизации и установления возможных естественных «мостов» из Азии в Америку. Предметом внимания автора оказываются различные аспекты культуры: культура производства (средства освоения природных ресурсов), культура жизнеобеспечения (жилище, одежда, пища), соционормативная культура (этика, идеология, ритуалы) и духовная культура (религия, фольклор, искусство, положительные знания). При этом старое и бесспорное утверждение о том, что «первые американцы» пришли из Азии, получило в работе новые обоснования, а сам процесс заселения аме-